

— По законам штата Массачусетс всё, что будет сказано подростком без присутствия взрослого представителя, не может быть использовано против него в суде, — сказал мой адвокат. — По этой причине вам не зачитали ваши права, когда брали под арест. Это необходимо только перед проведением допроса.

Как-то это было не похоже на то, что показывали по телику, где тебя могли отпустить, потому что коп не сказал «волшебного слова». Я была этим раздосадована. Телевидение лгало мне.

— Я говорил тебе, — сказал дедушка с нотками самодовольства. — Меня арестовывали слишком много раз, чтобы у меня не имелось хоть какого-то представления о законах.

Как будто его когда-нибудь арестовывали обычные копы. Я даже не могла сказать ему что-нибудь язвительное в ответ, только не в присутствии своего адвоката и папы, который сидел прямо напротив.

Я была прикована наручниками к столу, но все знали, что это всего лишь формальность.

— Хорошая новость состоит в том, что обвинения по случаю с оружием в шкафчике почти наверняка будут сняты. То, что звонок был сделан анонимно, и тот факт, что, как вы утверждаете, ни на одном из орудий не будет ваших отпечатков пальцев... если это окажется правдой, с учётом того, что ваш шкафчик был по сути в публичном доступе для людей, которые явно настроены против вас враждебно, закрыть это дело будет легко.

Это хорошо, подумала я.

— Вопрос с полицией будет более сложным. Нападение на офицера обычно не считается тяжким обвинением. Люди обычно сопротивляются при тех же попытках полицейских затолкать их в патрульную машину. Но то, что сделала ты, было немного более серьёзным.

— Я думала, что меня похищают, — сказала я. — По тем причинам, которые уже рассказала вам раньше.

— Что может оказаться смягчающим фактором. Более важно то, что у них нет реальных доказательств. Никаких следов побоев на офицерах обнаружено не было, и кроме несчастного... инцидента с офицером Кольтом, никакого реального вреда им нанесено не было.

— Другой офицер казался более уверенным в своих силах, — сказала я.

— Офицер Фуллер был сотрудником СКП в течение двадцати лет, пока из-за травмы колена не был вынужден подать в отставку. Он был несколько более информирован о том, как противостоять паралюдям, по сравнению со своим напарником.

— Он на самом деле действовал очень профессионально, — призналась я. — Другой парень вёл себя как мудака. Он толкнул меня лицом в стену и я ударила головой о машину, когда он заталкивал меня на заднее сиденье.

— У нас нет физических доказательств повреждений, и конечно, в полицейской машине не была установлена камера. Уже долгое время с финансированием у полиции не очень хорошо, так как сейчас более актуальна служба СКП.

— Значит, моё слово против их? — спросила я.

— Я не лгу своим клиентам, — сказал он. — Но присяжные как правило более склонны верить

свидетельским показаниям полицейских, если вы не сможете убедить их в том, что их показания в какой-то мере неточны. Думаю, что доклад офицера Фуллера будет безупречен, а точка зрения офицера Кольта будет более субъективна. Оба показания будут правдоподобны по разным причинам.

— Так что мне в таком случае делать?

— Обычно такие случаи на себя берёт СКП. Паралюди находятся вне юрисдикции обычной полиции. Однако в этом случае имело место нападение и избиение офицеров полиции. Прокурор может начать доказывать, что вы являетесь террористической угрозой.

— Я могу сбросить корабль на их стоянку, — раздражённо сказала я. — Найти свободное место на парковке им в таком случае будет гораздо сложнее.

— В первую очередь ты находишься здесь потому, что они в курсе такой угрозы, — ровно высказался адвокат. — И нет необходимости в том, чтобы произносить их вслух. С большой вероятностью сюда заявятся агенты СКП и будут чем-то тебе угрожать. За угрозами последует предложение вступить в Стражи и снятие всех обвинений. Они могут такое устроить.

— Я здесь в первую очередь по их вине! — высказалась я. Мой голос звучал всё громче, и я чувствовала, как вибрации проходят через всё это место. Мне пришлось закрыть глаза на секунду, чтобы успокоиться.

— Ты уверена, что не хочешь присоединиться к Стражам? — спросил адвокат.

— Они в течение двух лет позволяли своей... психопатке издеваться надо мной. Не только надо мной, над другими детьми тоже. Я не собираюсь на них работать. Уж лучше стать злодеем.

Услышав судорожное дыхание отца, я подняла на него хмурый взгляд.

— Ты знал, что это может произойти. Ты волновался об этом с тех пор, как мама рассказала тебе о... ну, ты знаешь.

Я кинула в сторону адвоката быстрый взгляд; я ничего не говорила ему о том, что являюсь мутантом и о том, кем был мой дедушка. Я сообщила ему, что словила триггер-событие при инциденте со шкафчиком.

— Если они попытаются надавить на меня, я буду давить в ответ. И суть в том, что я могу оказать очень жёсткое давление и здорово усложнить жизнь всей их организации. Я хочу быть героем, но меня устроит и образ бродяги.

Держу пари, что с таким дедушкой, как у меня, я быстро скачусь с уровня бродяги до злодея.

— Тогда мне придётся убедиться в том, что они знают о том, что им делать запрещено*, — высказался мой адвокат.

Десять тысяч долларов, которые я передала отцу, были только его гонораром, но он, похоже, был уверен, что у меня найдутся средства на то, чтобы заплатить ему ещё больше.

— Мы можем использовать то, как София обращалась с ней? — спросил отец.

Мой юрист опустил взгляд на мой дневник.

— Само по себе это ничего не доказывает. Однако полученных электронных угроз должно быть достаточно для того, чтобы получить разрешение на проверку телефона Эммы, даже с учётом того, что Софию защищает СКП. Они попытаются взять расследование на себя и замести следы, но мы могли бы использовать это, чтобы вынудить их отказаться от других обвинений. Есть законы, которые позволяют раскрыть гражданскую личность Стража, однако это делает всю ситуацию ещё более неприятной.

— Это будет выглядеть так, будто они хотели подставить меня, — сказала я. — София состоит в Стражах, и она оставляет оружие в моём шкафчике. Это приводит меня к уголовной ответственности, на которую они могут надавить, чтобы заставить меня вступить в Стражи.

— Есть ряд причин, по которым они не могли сделать этого, — спокойно заметил адвокат.
— Во-первых, если твоё предположение об их осведомлённости о твоей гражданской личности верно, они не будут так себя подставлять. Провоцирование кого-то, кто может сбросить корабль на их штаб-квартиру, не отвечает ничьим интересам. Пока что у них не было возможности подобраться к тебе хотя бы для того, чтобы мягко себя представить и разрекламировать.

Как будто я когда-нибудь соглашусь вступить в одну команду с Софией.

— Скорее всего они планировали использовать ту информацию, которую о тебе нашли, чтобы найти способ начать контактировать с тобой максимально осторожным и неугрожающим образом. Тот факт, что они хотят отправить Софию побеседовать с тобой обо всём случившемся, говорит о том, что они не знают, что она делала.

Я кивнула. Послать Софию для того, чтобы убедить меня присоединиться к их организации, это всё равно что принимать ванну с железной губкой для посуды вместо мягкой мочалки; в результате будет много крови.

— Так что мы наверняка сможем снять все обвинения на тему оружия, — продолжил адвокат.
— Но того факта, что твоя школьная жизнь закончится, уже не изменить. Офицер Кольт рассказал о том, что происходит, слишком многим людям до того, как офицер Фуллер смог его остановить.

— А что насчёт обвинения в нападении на полицейских? — поинтересовалась я.

— Офицер Фуллер готов отозвать обвинения. Офицер Кольт был менее доброжелателен, пока Фуллер не поговорил с ним на этот счёт. Окружной прокурор ненавидит СКП и готов добровольно отозвать все обвинения, если ты принесёшь официальные извинения офицерам. Я думаю, она идёт на это отчасти потому, что знает, что эти обвинения СКП может использовать для своей пользы.

— Наверное она просто не хочет, чтобы полицейский участок превратился в зону боевых действий, — сказала я. — Именно из-за этого она ранее попросила меня устроить демонстрацию?

Она потребовала доказательства тому, что я была тем самым парачеловеком с летающим кораблём, что я не просто какой-то блефующий кейп со слабыми силами. Я попросила её выглянуть в окно и затем подняла в воздух около шести десятков автомобилей со служебной стоянки, даже не глядя в их сторону.

Выглядела она немного бледной, когда покидала помещение.

— Скорее всего так и есть, — пожал плечами адвокат. — Замена полицейского участка явно заставит их выйти за рамки бюджета.

Судя по выражению его лица это была шутка, но я не думала, что это смешно.

— Если дело всё-таки дойдёт до судебных разбирательств, тот факт, что ты спасла школу и около тысячи учеников младших классов, сыграет нам на руку. Учитывая, что в этом случае ты сможешь предъявить вещественные доказательства, и что против тебя будут обвинения двух копов, один из которых и так уже готов отказаться от дела, она скорее всего решила, что будет трудно убедить присяжных осудить тебя.

То, что жюри будет известно о том, что я могу уронить корабль на здание суда, вероятно, сделает вынесение приговора ещё более сложным делом.

— В чём отличие между сотрудником полиции, действующим 40 лет назад, и сегодняшним? — смогли мы услышать голос офицера Фуллера, звучавшего из-за открытой двери, к которой мы подошли. На мне всё ещё были наручники; мы пришли, чтобы принести извинения, и я была более, чем счастлива сделать это.

— Сорок лет назад ты мог кричать и орать на преступников, утыкая их лицом в двери или землю, и никого это не волновало, — продолжал свою речь офицер Фуллер. — Теперь любой недовольный придурок старше 13-ти лет может разукрасить тебе лицо, если ему не понравится, как ты на него смотришь.

Я слышала приглушённые возражения, скорее всего от того самого новенького.

— Ты знаешь, чего тебе будет стоить быть милым? Ничего. А быть придурком означает получать по лицу. И если ты столкнулся с кем-то, кто по твоему мнению может оказаться кейпом... это не наша работа. Ты не должен тыкать им в лицо пистолетом и вести себя как придурок... если не хочешь, чтобы тебя отделали.

Возражения стали громче. Звучало это почти как нытьё.

— Эта девушка пожалела нас, — сказал Фуллер. — Она была вежливой. Она позволила нам арестовать её. Ты видел, что она сделала с машинами снаружи? Думаешь, ей было бы сложно выбраться из машины, а затем сжать её в шарик, словно фольгу, и выкинуть в залив?

— Но она хранила оружие! — теперь мы находились достаточно близко, чтобы я слышала ответ новичка.

— Кейпам не нужно оружие. Большинство из них не используют его, потому что вместо него у них есть кое-что намного лучше. Эта девушка сказала, что ей всё подкинули, и я ей верю. Ей не нужно оружие, чтобы перестрелять всех в школе. Всё, что ей нужно, это один плохой день, — Фуллер немного помолчал. — Если кейп начинает волноваться, знаешь, что ты делаешь? Ты двигаешься очень медленно, ты ведёшь себя очень тихо, и ты делаешь всё, что говорит человек, который может уронить тебе на голову нефтяной танкер!

Наконец-то мы добрались до дверного проёма; мы находились практически в противоположной от входа части полицейского участка. Видимо, Фуллер хотел пообщаться с Кольтом наедине, но он оставил дверь открытой, и мы слышали всё, что он ему выговаривал.

— И знаешь, что в этом самое ужасное? Ты ушёл и разболтал всем о её тайной личности, и слышали тебя в том числе и преступники. Ты понимаешь, как серьёзно некоторые кейпы относятся к тайне личности? Если она станет частью Протектората, это будет уголовно-наказуемым преступлением. Ты знаешь, почему это не считается преступлением по отношению к злодеям? Потому что никто не будет настолько тупым, чтобы болтать об этом! Злодеи могут выколоть тебе глаза и за гораздо меньший проступок, чем разбалтывание информации об их гражданских личностях их врагам!

— Да, но она...

— Что произойдёт, если кто-то убьёт её отца, потому что ты такое большое трепло? Я говорил тебе никому об этом не рассказывать, а теперь...

Мой адвокат прочистил горло.

Повернувшись, офицер Фуллер уставился в нашу сторону. Он заставил себя улыбнуться.

Новичок выглядел так, будто был готов провалиться сквозь землю. Его лицо побелело, когда он меня увидел. Он сидел за столом, в то время как офицер Фуллер стоял рядом с ним.

— Я приношу извинения за то, что сделала, — сказала я. — Я правда думала, что вы были преступниками, которые меня похитили, иначе я бы никогда не сделала то, что сделала.

Офицер Фуллер приподнял бровь, продолжая на меня смотреть.

— Если вам когда-нибудь понадобится помощь, пожалуйста, не стесняйтесь мне звонить, — добавила я. — Я оставляю вам свой номер.

После небольшой паузы я продолжила:

— О! И я попытаюсь больше так не делать. С копами.

Вероятно, этого мне добавлять не стоило, с учётом того, как папа закрыл рукой лицо.

Полицейский участок я покидала в сопровождении отца и адвоката. Залог судья не принял, скорее всего считая, что никакое поручительство не смогло бы удержать меня в тюрьме, и потому что обстоятельства моего дела позволяли это сделать.

У меня сложилось впечатление, что СКП судье не нравилось чуть ли не больше, чем окружному прокурору. Оба они, как мне казалось, были намерены выпихнуть меня из полицейского участка до того, как СКП обо мне узнает и возьмёт дело в свои руки.

— Они начнут расследование, — сказал адвокат. — Они могут найти отпечатки пальцев нескольких членов местных банд, и возможно захотят связаться с вами с просьбой дать показания на суде против тех, кто по их мнению мог на самом деле оставить оружие в твоём шкафчике. Это произошло с твоей гражданской личностью и в это не вмешано никаких сверхъестественных сил, так что судья решил, что этот вопрос не попадает под юрисдикцию СКП, тем более с учётом того, что всё это могли сделать и без использования сил.

Я видела, как сюда начинают подъезжать фургоны СКП, но было слишком поздно. Меня уже

отпустили и решение было принято. У них не было никаких рычагов давления на меня, поэтому я могла спокойно уйти.

А самое классное было в том, что Полицейский Департамент Броктон-Бей получил копии всех материалов о том, как надо мной издевались в школе. У них были видеозаписи того, как на меня накинута Эмма, копии электронных писем, фотографии синяков на лице.

София уже пошла на обострение конфликта, поэтому у меня не было никакого желания отзывать свои показания обратно. Я хотела легальным образом её уничтожить, если у меня получится. Если она в дальнейшем захочет обострить конфликт ещё больше, я буду к этому готова.

Я просто должна была помнить, что не все вокруг являлись моими врагами, я должна быть уверена, что люди, которых я запугиваю, этого заслуживали.

Я правда не собиралась попробовать прекратить угрожать копам, но природа моих сил была таковой, что я не могла не запугивать людей просто своим фактом существования.

— Я думаю, что смогу устроить перевод в Аркадию, если ты захочешь, — пробормотал адвокат.
— Они хотят избежать огласки, хотя сейчас это скорее всего уже невозможно. Тот факт, что ты кейп, будет невозможно скрыть, потому что Кольт проговорился об этом в комнате, полной преступников.

— Видимо, они предложат защиту для меня, — заметил папа.

Он выглядел уставшим. Вся эта ситуация была словно подтверждением его худших кошмаров; меня посадили в тюрьму и считают злодеем, даже если я им не была. Я видела первые проявления беспокойства на его лице ещё когда мне было двенадцать и мои силы только начинали себя пробуждать. Как мой отец он понимал, насколько мои силы могли стать могущественными, и понимал, что мир никогда не сможет игнорировать кого-то настолько сильного, независимо от того, было ли это хорошо или плохо.

— Лучше бы им предложить защиту в любом случае, — сказала я.

Пусть мой отец не был тем человеком, каким я его когда-то знала, я также знала, что в глубине души он всё ещё продолжал любить меня. Он был единственным человеком в этом мире, который любил меня.

Я крутила кусочек шлема вокруг моих пальцев в кармане куртки снова и снова. Я не имела в виду, что мой безумный, сшитый из собственных осколков личности дедушка не был человеком, просто он был частью другой стороны моей семьи, которую никогда не сможет понять отец.

Если кто-то заставит их страдать или даже просто будет угрожать нанести вред, я сделаю что-то похуже, чем разукрашу лицо обидчику или вырву его глаза. Я устрою настоящий библейский апокалипсис.

Хмм... Я ещё не задумывалась серьёзно о собственном имени. Будет ли Апокалипсис звучать слишком злодейски?

Я поинтересуюсь у дедушки, когда вернусь домой. Поговорить с ним сейчас, на виду у людей, нормально не получится.

Из ближайшего к нам фургона выбралась Мисс Ополчение в окружении нескольких мужчин в чёрных костюмах. Все они были похожи на юристов. Оружейник стоял позади них, по какой-то причине выглядя очень раздражённым.

— Что здесь происходит, вы, кляузник? — спросил один из мужчин, явно главный среди них. Выглядел он немного гнуствовато — именно так я себе представляла продавцов автомобилей. Не то, чтобы я когда-нибудь покупала новый автомобиль.

— Вы опоздали, — ответил мой адвокат. Одет он был безупречно и выглядел крайне уверенно.
— Её выпустили без залога.

— Это дело попадает под юрисдикцию СКП! — надавил собеседник. — Полицейский департамент не имеет права отпускать подозреваемого.

Я выдвинулась вперёд и улыбнулась ему. Мой взгляд ему явно не понравился. Ему потребовалась секунда, чтобы узнать меня, а затем он сделал шаг назад.

Мисс Ополчение выступила вперёд, держа руки на бёдрах. Я не могла чувствовать её оружие; что бы она не использовала, оно явно не было металлическим. Вероятно, это было что-то вроде твёрдого света или что-нибудь ещё более странное и мистическое. В любом случае, я не могла использовать на нём свои способности. В случае чего мне будет легче раздробить её руки до костей.

Вероятно, она как и дедушка могла немного оценивать людей, потому что её взгляд стал жёстче и её оружие увеличилось в размерах. Оружейник начал двигаться, пытаясь занять положение за моей спиной. Хотя вряд ли хоть какой-нибудь человек с таким количеством металла в своей броне был хоть сколько-нибудь опасен для меня. Я могла просто швырнуть его в сторону залива, если это понадобится. До него было не менее пяти миль (8,05 км, прим.пер.), но для меня это не будет проблемой. Кто-нибудь сможет его спасти... наверное.

— Держите, — сказал мой адвокат. Он вручил ведущему юристу СКП толстую пачку бумаг.

— Что это? — юрист удивлённо посмотрел на вручённые ему бумаги. Вероятно, он больше привык наступать, поддерживая инициативу.

— Мой клиент принял решение судиться с СКП, — пояснил мой адвокат.

— На каком основании?

— В первую очередь угрозы. Попытка принудить её вступить в Стражи, опираясь на сфабрикованное преступление. Нанесение ущерба и уничтожение имущества, имеющего сентиментальную ценность. Соучастие в раскрытии гражданской личности кейпа всему миру. Есть и другие обвинения, но эти являются основными.

Если ли хоть одно из этих обвинений выстрелит, то мой адвокат будет использовать их в качестве предметов торга за то, что мне действительно хотелось получить; убраться из притона под названием Уинслоу.

И получить с них немного денег тоже было бы неплохо.

—

*в оригинале «Then I'll have to make sure that they know what their options are», к сожалению, тут я не совсем поняла, о чём идёт речь, так что тут дан перевод из контекста.

<http://tl.rulate.ru/book/31885/687953>